

УДК: 398.9:811.161.1'367

Гавхар КУТЛИМУРАТОВА,
Старший преподаватель УрГУ им. Абу Райхана Бериуни
E-mail: gavxar.k@urdu.uz

На основе рецензии доцента Ургенчского технологического университета RANCH, PhD С.Рузметова

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О ТРУДЕ

Аннотация

В данной статье представлено структурно-семантическое исследование русских пословиц о труде как особой формы репрезентации народного опыта. Материалом анализа послужил корпус из 420 пословиц, сформированный на основе классических паремиографических источников. В работе выявлены основные синтаксические модели, среди которых доминируют двучленные сопоставительные и антитезические конструкции, а также причинно-следственные и условные схемы. В результате показано, что русская трудовая пословица сочетает лаконичность, выразительность и аксиологическую содержательность, одновременно утверждая ценность труда и фиксируя его тяжесть.

Ключевые слова: Пословица, синтаксическая структура, паремиология, труд, антитеза, параллелизм, аксиология.

MEHNAT HAQIDAGI RUS MAQOLLARINING STRUKTUR-SINTAKTIK MODELLARI

Annotatsiya

Ushbu maqolada xalq tajribasining o'ziga xos ifoda shakli hisoblangan mehnat haqidagi rus maqollari struktur-semantik jihatdan tadqiq etiladi. Mumtoz paremiografik manbalar asosida shakllantirilgan 420 ta maqoldan iborat korpus tahlil materiali sifatida xizmat qildi. Tadqiqot davomida asosiy sintaktik modellar aniqlanib, ular orasida ikki qismli qiyosiy va antitezali konstruksiyalar, shuningdek sabab-oqibat va shartli tuzilmalar salmoqli ekanligi kuzatildi. Natijada, rus mehnat maqollari lo'ndalik, ifodalilik va aksiologik mazmundorlikni o'zida mujassam etib, mehnatning qadriyat sifatidagi ahamiyatini ta'kidlashi hamda uning mashaqqatligini aks ettirishi aniqlandi.

Kalit so'zlar: Maqol, sintaktik tuzilma, paremiologiya, mehnat, antiteza, parallelizm, aksiologiya.

STRUCTURAL AND SYNTACTIC MODELS OF RUSSIAN PROVERBS ABOUT LABOR

Annotation

This article presents a structural and semantic study of Russian proverbs about labor as a specific form of representing folk experience. The material for analysis consists of a corpus of 420 proverbs compiled from classical paremiographic sources. The study identifies the main syntactic models, among which bipartite comparative and antithetical constructions prevail, along with causal and conditional patterns. The findings demonstrate that Russian labor-related proverbs combine brevity, expressiveness, and axiological richness, simultaneously affirming the value of labor while also reflecting its hardship.

Key words: Proverb, syntactic structure, paremiology, labor, antithesis, parallelism, axiology.

Введение. Настоящая статья предлагает структурно-семантическое исследование русских пословиц о труде и исходит из того, что труд в русской паремиологии выступает не только как этическая норма, но и как особый способ синтаксического и образного моделирования мира. Классическая русская паремиография показывает, что трудовые пословицы устойчиво тяготеют к завершённой предикативной форме, к бинарным антитезам, к причинно-следственным и условным схемам, к отрицанию и к ритмико-синтаксическому параллелизму. Уже у В.И.Даля [3] тематическая организация материала строится так, чтобы читатель видел, «что говорит народ» о той или иной стороне жизненного уклада, а не просто алфавитный перечень формул; в разделе о работе и праздности, а также в разделах о ремесле и мере времени труд предстает как мыслительная и речевая константа крестьянского мира.

Методы и обзор исследований. В качестве рабочего корпуса для статьи принят авторский массив из 420 уникальных пословиц, выделенных из 612 исходных фиксаций после снятия дублетов, нормализации графики и исключения фрагментарных поговорочных форм. Базовыми источниками корпуса стал сборник М.А.Рыбниковой [7]. В корпус включались только

законченные предикативные единицы либо устойчивые двучленные формулы, допускающие интерпретацию как самостоятельное пословичное высказывание; исключались чисто фразеологические фрагменты типа поговорок без собственного предиката, если они не сопровождалась развернутой пословичной формой. Трудовая семантика могла быть выражена эксплицитно – через лексемы труд, работа, дело, ремесло и их дериваты – либо имплицитно, если весь сюжет был построен вокруг пахоты, жатвы, молотбы, рук, плеч, орудий, хлеба, достатка, недосуга, мастерства или противопоставления работы и лени. Варианты с несущественными лексическими заменами объединялись в одно гнездо, но фиксировались при обсуждении вариативности.

В теоретическом плане статья опирается на идеи А.А.Потебни [6], Г.Л.Пермякова [5], Л.Б.Савенковой [8] и Е.И.Селиверстовой [9]. У А.А.Потебни пословица понимается как сжатая форма более развернутого повествовательного иносказания; у Г.Л.Пермякова – как клишированная, структурно завершённая единица; у Л.Б.Савенковой – как анонимное воспроизводимое изречение дидактического характера; у Е.И.Селиверстовой – как узел вариантности, модели и биномики в паремиологическом пространстве.

Русская пословица о труде – это не только «тема» фольклора, но и компактная модель речевой организации народного опыта. Для историка культуры она важна тем, что фиксирует труд как ценность, как норму распределения времени, как критерий достоинства, как основание семейного и коллективного быта. Для лингвиста она важна тем, что в ней с предельной экономией совмещены предикативность, образность, оценка, ритмико-звуковая организация и коммуникативная готовность к воспроизведению. У В.И.Даля отмечается говорится, что в пословице есть «внутренняя» и «внешняя» одежда, а также что ее изучение способно многое дать грамматике, риторике и просодии [1]. Таким образом, сам составитель задает исследовательскую рамку, в которой трудовая пословица должна рассматриваться как сложная, а не только тематическая единица.

Во многих сборниках пословиц сосуществуют формулы об обязательности труда, о его горечи, о ремесле как источнике хлеба, о времени как условии успеха и о печи как символическом месте безделья. Именно эта внутренняя связность подтолкнула к выбору темы не как «пословиц о работе» вообще, а как «структурных особенностей» труда в русском пословичном фонде. Сборник М.А.Рыбниковой усиливает эту перспективу, потому что показывает пословицу как живой и исторически подвижный репертуар. Во введении к

изданию подчеркивается, что пословицы «обобщают ... социально-исторический опыт» народа, а в собственном введении автора сказано, что новые записи выражают отношение к «новым формам труда», но при этом традиционные пословицы о земле, поле, семье, артели и согласованном коллективном действии остаются в ходу. Такая двуплановость – историческая изменчивость плюс речевая устойчивость – делает пословицы о труде особенно удобным объектом для совмещенного структурного и культурно-исторического анализа [7].

Результаты. По результатам проведенного анализа, наиболее характерной для трудовых пословиц оказалась двучленная сопоставительная или антитетическая модель: она позволяет свести сложный опыт к запоминаемой формуле контраста, обмена или соразмерности. Далевский материал дает типичные образцы: «Работать – день коротать; отдыхать – ночь избывать», «Сеют – плачут, молотят – скачут», «Пашешь – плачешь, жнешь – скачешь», «Работа не черт, в воду не уйдет», «Дело не медведь, в лес не уйдет». Именно такие конструкции лучше всего соединяют повествовательную наглядность с назидательным выводом. Результаты анализа считаем целесообразным отобразить в таблице, которая показывает распределение основных структурных моделей в рабочем корпусе.

Макромодель	Количество (в абсолютных числах)	Доля (в процентах)
Двучленные сопоставительные и антитетические	154	36,7%
Причинно-следственные и условные	72	17,1%
Императивные	58	13,8%
Инфинитивно-оценочные	49	11,7%
Местоименно-коррелятивные	46	11,0%
Номинативно-эллиптические и краткие формулы	41	9,8%
ИТОГО:	420	100 %

Данная таблица наглядно показывает, что русская трудовая пословица предпочитает не повествовательное развертывание, а двучленную схему. Эта доминанта хорошо согласуется с наблюдениями Е.И.Селиверстовой о биномике и повторяемости пословичных элементов, а также с замечанием Нелюбовой и соавторов о важности контраста как аксиологического маркера в русских паремиях о труде.

Если перейти от макромоделей к синтаксису, то в трудовых пословицах особенно заметны четыре механизма: отрицание, противительная связь, обобщенно-личная конструкция и свернутая причинность. Отрицание в русской пословице о труде не просто сообщает отсутствие, а выстраивает нормативное противопоставление: «Без дела жить – только небо коптить», «С печи сыт не будешь», «Не бравшись за топор, избы не срубишь», «Не просит ремесло хлеба, а само кормит». В этих формулах отрицание маркирует границу между нормой и отклонением, между действием и пустотой, между трудом и его симуляком.

Столь же значима противительная или сопоставительная связка а/да/но: «Не печь кормит, а руки», «Была бы охота, а впереди еще много работы», «Есть – так губа титькой, а работать – так нос окован». Синтаксически это не только союзная связь, но и способ распределить культурные роли: желаемое / должное, еда / усилие, пассивность / результат, лень / стыд, работа / достаток. О.В.Борщева справедливо подчеркивала, что для русского трудового материала характерно совмещение

положительной оценки труда с отрицательной оценкой его подневольного и изнурительного измерения; противительный синтаксис – главный механизм такого совмещения [2, с. 7].

Императивные и инфинитивные конструкции составляют особый функциональный слой. Императив – это форма прямого дидактического давления: «Не учи безделью, а учи рукоделью». Инфинитив – форма нормативного алгоритма или трудовой истины: «Орать – так в дуду не играть», «Жить – не поле перейти» в широкой паремнологической аналогии. Инфинитивные формулы важны еще и тем, что они легко превращаются в модели для последующих вариантов, трансформаций и современных переделок.

В образном плане пословицы о труде почти никогда не ограничиваются прямым называнием. Они любят отрицательное сравнение, скрытую аллегорию и метафорическую замену. Даль в «Напутном» перечислял метафору, аллегорию, гиперболу, метонимию, синекдоху и иронию как характерные украшения пословицы [1]. Позднейшая литература показывает, что отрицательное сравнение является одним из типичных русских структурных ходов. Для трудовой тематики это значит, что выражения типа «дело не медведь» или «работа не черт» одновременно и структурны, и образны: отрицательная формула снимает буквальность, но сохраняет готовность к практическому выводу.

Полученные данные позволяют увидеть центральный парадокс русской трудовой пословицы. С

одной стороны, труд здесь – безусловная созидательная сила, критерий человеческой полноценности и коллективной солидарности. Отсюда формулы о том, что без дела жить – бессмысленно, что усилие и терпение необходимы, что руки кормят, что работа структурирует время и что согласованный коллективный труд облегчает ношу. С другой стороны, тот же корпус устойчиво кодирует труд как тяжесть, телесное истощение, барщину, вечную незавершенность и минимальный, а не роскошный результат. О.В.Борщева приходит к сходному выводу: в русском традиционном сознании положительно оцениваются усердие, терпение и результативность, но отрицательно – принудительность, физическая немощь и невозможность нажать «палаты каменные» честным трудом [2, с. 10]. Данный парадокс исторически понятен. Большая часть образных доменов корпуса указывает на аграрный и ремесленный уклад, где труд цикличен, телесен и тесно связан с природной и социальной зависимостью. Там, где западноевропейская протестантская формула труда нередко связывалась с индивидуальным успехом и накоплением, русский материал чаще связывает труд с хлебом, выживанием, общностью и моральной правотой.

С культурно-исторической точки зрения особенно показательно, что мастерство в русском материале присутствует, но не доминирует. Пословицы о труде чаще прославляют не уникального мастера как автономного субъекта рынка, а того, кто тянет свою лямку, пашет, жнет, сеет, терпит, не лежит на печи, работает сообща и не надеется на чудо. Это очень важная особенность русского трудового этоса, зафиксированного в пословицах: высокая оценка труда не равна культуре профессионального индивидуализма.

Здесь уместно вспомнить и мысль М.А.Рыбниковой о том, что пословица сохраняет «жизненный, социально-исторический опыт трудового народа» [7]. С учетом идеологической окраски ее введения это наблюдение остается продуктивным: трудовая пословица хранит не отвлеченное поучение и не только традиционный фольклорный остаток, а коллективно отобранную формулу поведения в мире, где хлеб добывается тяжелым телесным циклом, а лень осуждается не морально абстрактно, а как угроза выживанию и общему порядку.

Обсуждение. Перспектива дальнейшего исследования видится в трех направлениях. Первое – создание размеченного электронного корпуса русских пословиц о труде с пометами по модели, аксиологии, образному домену и эпохе фиксации. Второе – сравнительный анализ, особенно в связке с иноязычным

(инокультурным) материалом, где земледельческая образность часто оказывается типологически близкой. Третье – дискурсивное изучение современных трансформаций активного паремиологического минимума в медиа, рекламе, политической речи и интернет-коммуникации. Здесь особенно полезно сочетание классической паремиографии, корпусной лингвистики и современной аксиопаремиологии.

Выводы. Исследование показало, что русские пословицы о труде обладают отчетливо выраженным структурным профилем. Их ядро составляют двучленные сопоставительные и антитетические формы, подержанные отрицанием, противительными связками, обобщенно-личной предикацией и ритмизованной бинарностью. Морфологически они ориентированы на глаголы повторяющегося действия, на соматизмы и названия орудий труда, а семантически – на аграрный, ремесленный и телесный опыт. Эта комбинация делает пословицу одновременно короткой, воспроизводимой, назидательной и образной.

В аксиологическом отношении русская трудовая пословица принципиально не одномерна. Она высоко оценивает труд как основу жизни и нравственной состоятельности, но не романтизирует его цену. В ней постоянно присутствуют мотивы тяжести, нужды, изнурения и социальной несвободы. Поэтому русский паремиологический образ труда оказывается не абстрактно моралистическим, а исторически плотным: это образ крестьянского и ремесленного усилия, коллективного действия, минимального достатка и постоянного соизмерения работы со временем, телом и хлебом.

Таким образом, структурное ядро русских пословиц о труде образуют двучленные сопоставительные конструкции, затем причинно-следственные и условные модели, затем императивные и инфинитивно-оценочные формулы. На уровне образности доминируют аграрные, ремесленные, соматические и темпоральные домены; на уровне аксиологии преобладает положительная оценка труда как основы жизни, однако почти треть корпуса репрезентирует труд как тяжесть, нужду, подневольность и физический износ. Это согласуется с наблюдениями О.В.Борщевой о двойственной оценке концепта ТРУД в русской идиоматике и с более поздними сопоставительными выводами Н.Ю.Нелюбовой, О.В.Ломакиной и С.В.Мирзаевой о труде как ценности, противопоставленной лени, но выражаемой через разные аксиологические маркеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_%28Даль%29/Напутное
2. Борщева О.В. Паремология русского языка в традиционной и современной картинах мира (на материале пословиц о труде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 4. – С. 6-10.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. 2-е изд. – М., 1879. Т. 1–2.
4. Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. – С. 595-615.
5. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремологии. – М.: Наука, 1988.
6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высш. шк., 1990. – 344 с.
7. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 230 с.
8. Савенкова Л.Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2002. – 239 с.
9. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2017. – 296 с.